

БИБЛИОТЕКА РУССКОЙ КЛАССИКИ

Евгений Андреевич
САЛИАС ДЕ ТУРНЕМИР

ЗМЕЙ-ГОРЫНЫЧ

ИЗДАТЕЛЬСТВО СЕДЬМАЯ КНИГА
Москва
2014

Евгений Андреевич Салиас де Турнемир

ЗМЕЙ-ГОРЫНЫЧ (Село Уютное)

2014 © Издательство «Седьмая книга». Редакция. Зыбин Ю.А.

2014 © Издательство «Седьмая книга». Редакция, составление, оформление

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в любой форме и любыми средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав

Салиас де Турнемир Евгений Андреевич

Змей-Горыныч: роман (Библиотека русской классики) М.
Седьмая книга, 2014. – 295 стр.

Еще далеко до индустриализации, но «чугунка» уже зашумела... еще десятилетия до дикого капитализма, но крепостничество уже приказало долго жить... Век дворянских усадеб, башня незыблемого феодального Мира вдруг неслышно затрещала и начала тихо осыпаться в вечность, под гул неумолимой поступи нового времени, пожирающего, словно невидимый Змей-Горыныч всю галактику прежних отношений...

Может быть, только в селе Уютное, где старая барыня совсем не приняла отмену крепостного права и где господа остались Господами, а холопы остались холопами, и где время словно замерло, не желая просыпаться и продолжая видеть сказочные сны о былом, о добрых и мудрых Господах и о Вечной Любви...

*Пускай все сон, пускай любовь игра,
Ну что тебе мои порывы и объятья,
На том и этом свете буду вспоминать я
Как упоительны в России вечера...*

УДК 882-31 Салиас
ББК 84 Р1
С16

2014 © Издательство «Седьмая книга». Редакция, составление, оформление

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в любой форме и любыми средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав

"Об информации, информационных технологиях и о защите информации"
ФЗ РФ от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 31.12.2014);

Ст 146 УК РФ (лишение свободы до 5 лет)

ЗМЕЙ-ГОРЫНЫЧ

Глава 1

Захолустье и глушь, где всегда тишь да гладь...

Только однажды и было здесь необычно шумно, но от события всероссийского, всенародного... Был день 19 февраля, и была возвещена свобода. Отец Иван в храме с амвона прочел манифест. Но это было давно. Лет пятнадцать тому...

В тихий не жаркий июньский день во всем небольшом селе было пустынно, безлюдно, чуть не совсем мертво. Народ был в поле на работе, только кое-где виднелись старухи, бродившие из избы в избу, да на завалинках также кое-где роились как воробы, мирно чирикавая между собой, полуголые ребятишки. Только один мальчуган, крошечный, пузатый, лохматый, в одной рубашонке злостно ревел и завывал.

— Вот я те ужотко! Постой! Я те... — изредка выкрикивала на него, высовываясь из оконца молодуха-баба.

Село, по прозвищу Уютное, расположилось на гладком месте, только с одного края его был глубокий овраг. Кругом было полное безлесье и, только на горизонте виднелся темный лес. Боком к оврагу расположился барский дом со службами, с большим столетним садом и также с вековыми липовыми аллеями. Если барский дом был не пригож на вид, деревянный, серовато-сизый, полинялый, в заплатках, то, наоборот, службы были наполовину каменные, а одно из зданий, флигель, могло бы пройти за барский дом, если бы не его к этому дому почтительное боковое отношение. Видно было по всему в усадьбе, что у владельца дела в порядке, а если окна да и стены дома в заплатках, а главное, крыльцо малость покосилось, то надворные строения зато новые и крепкие, иное даже с иголочки.

Сейчас за двором усадьбы начиналась улица и два ряда изб, дворов двадцать, а за ними на другом конце улицы высилось убогое деревянное, очень древнее строение, церковь с колокольной, окрашенные вохрой и с тускло-сизыми куполами. Близ них стояли два домика, где жили священник и причт, и только перед большим домиком был садик с аллеями из акаций, с несколькими яблонями, с беседкой в углу к полю.

Около полудня дворовая женщина Анисья, пробродив долго по двору усадьбы, заглядывая повсюду, обошла весь сад, а затем вернувшись вышла через двор на улицу... Здесь она начала обходить избы, заглядывая во все уголки; увидев гурьбу ребятишек, она окликнула их:

- Ребятюшки, родные, не видали ли вы Царочку нашу?
- Нетути, не видали! — отозвался старший.

Женщина прошла далее, останавливаясь и оглядывая все задворки. Несколько ребятишек присоединились к ней.

— Тетка, а, тетка! Ты чего это? — раздался голос и, из оконца избы выглянула молодая девка, с веселым толстым лицом.

— Ищу, Маланьешка! Почитай больше часу ищу, где наша Царочка. Не видала ты?

— Нет, не видала. Да ты б ее там, у вас во дворе глядела! Нешто пойдет она по улице?

— То-то пойдет... Блажить стала! Прежде только свой дом знала, а ноне, вишь, она подросла и болтаться стала. Беда, как есть!

— Небось, тетка Анисья, не пропадет!

— Как можно пропасть, Бог с тобой! Типун тебе на язык, забубенная твоя голова!

И Анисья двинулась далее. С полдюжины ребятишек проводили ее, а затем стали отставать, когда она дошла до сельского храма. Здесь тоже было тихо. Заглянув в маленький палисадничек у дома священника, Анисья увидела хорошенькую белокурую девочку лет шести, сидевшую у кучки песка и делавшую из мокрого песка гречневика, блины и лепешки.

— Золотая моя! — окликнула девочку женщина. — Не видала ты Царочку? Не забрела ли она к вам во двор?

— Нет, не видала! — отозвалась девочка звонким голосом, но тотчас вскочила и подбежала к плетню, который отделяли палисадники от поля. — А ты ее ищешь! — прибавил ребенок, и личико его приняло серьезное выражение.

— Ищу, Липочка, ищу! Которое время ищу! Просто беда! И ума не приложу! Да верно ли не бывала она у вас? Погляди-тко во дворе у вас.

— Сейчас! — воскликнула девочка и из палисадника перебежала во двор, но вскоре появилась на улице за калиткой и объявила уже важно и тревожно:

— Нету, Анисья! Нигде нету!

— Что за притча? Ах, ты, Господи! — отозвалась Анисья и двинулась обратно по улице.

Не прошла она и ста шагов, как пожилая баба вышла к ней из избы с вопросом:

— Слышать, Царочка пропала у вас?

— Пропала! — отозвалась женщина. — А что?

— Вот дело-то! А я думала, Фекла врет.

— Какое врет, пропала!

Анисья двинулась снова, но пока она проходила улицей и шла домой, почти через каждую избу кто-либо опрашивал ее. Весть о том, что Царочка пропала, мигом облетела все село. С барского двора уже вышел молодой и очень пригожий лакей Егор и шел навстречу Анисье. При виде его женщина крикнула:

— Нашлась, что ли?

— Нет, какое! — крикнул он. — Глафира Ефимовна меня послала искать. Господа в беспокойстве!

И, подойдя, лакей прибавил:

— Барыня на тебя сердита страсть! Говорит, ты не доглядела. Глафира Ефимовна хотела заступиться, так куда тебе! Пуще осерчала.

— Ах, ты, Господи! — воскликнула Анисья. — Не доглядела! Что же я могу, когда она шататься стала. Кто же с ней что поделает? Будь она, вот к примеру, собака что ли, так взяла бы кнут да и отстегала ее. Ну, вот и знала бы. А с ней, что же поделаешь? И пристращать-то нельзя! Третьевость ушла в поле, я ее уже за садом поймала. А ноне вот сгнула!...

В ту же минуту в воротах барского двора показалась пожилая и толстая женщина и крикнула:

— Нашлась, что ли?

— Нету, — откликнулась Анисья.

Пожилая женщина покачала головой и скрылась в воротах.

— Должно, барыня выслала спросить, — сказал лакей.

В ту же минуту Анисья услышала чей-то голос. Она обернулась и увидела мальчугана, бегущего по улице от церкви прямо к ней. Это был сынишка дьячка.

— Что! У вас, что ли? — крикнула Анисья.

Мальчуган подбежал и, запыхавшись, проговорил:

— Тятя говорит, проходимши, видел Царочку за забором у сада, где дырка. Стало, там и ищи!

— Я же эту дырку вчерась заделала! — отозвалась Анисья.

— Видел тятка, велел тебе сказать.

— Плохо, стало, заделала, — ахнула женщина, — коли она пролезла.

Анисья, Егор и дьячков мальчуган втроем обошли усадьбу и вышли в поле, вдоль забора сада. Но в то время, когда на улице уже начиналось маленькое смятение между старухами, девками и ребятишками, которые сходились и горячо толковали о происшествии, в саду раздался громкий голос:

— Здесь! Здесь!

Затем на дворе повторилось:

— Нашлася!...

И та же весть мигом передалась на село и молнией достигла даже домика священника. Маленькой девочке, игравшей в песке, кухарка заявила тотчас:

— Царочка-то нашлася!

Анисья и Егор с радости перелезли через забор в сад и кричали:

— Где? Где?

Другой голос в аллее кричал:

— Здеся! Здеся! Сюда! Сюда! Бери. Неси к барыне! Барыня приказала.

Через несколько мгновений Анисья бережно несла в руках почти крошечную беленькую курочку-цецарку, а за ней двигалось человек пять. Курочку несли на осмотр барыне, чтобы убедиться, что с ней ничего худого не приключилось.

Цецарка была получена еще маленьким цыпленком и ее все хорошо знали и особенно «уважали». Известие, что цецарка нашлася, успокоительно подействовало на все село. Когда сельский батюшка, отец Иван, проснулся после обеденного отдыха, ему тотчас же доложили:

— Царочка барынина пропадала. Но уже нашлася!

Село Уютное было полной глушью. Настоящее трущобное место. Соседей, в известном смысле, то есть настоящих дворян-владельцев поблизости не было. Маленькие новые усадьбы, рассыпанные кругом, верстах в пяти, семи или десяти, принадлежали теперь всякого рода новым людям, разночинцам. Ближайший сосед был купец, имевший мелочную лавку в городе; другой, тоже близкий, был немец, плохо говоривший по-русски, третий был старик ветеринар в отставке. Помимо них были только дальние соседи, такие же разночинцы, и затем разные деревушки, большая часть которых принадлежала самому крупному местному помещику, князю-богачу. Но до самой родовой его вотчины, села Вознесенского, было верст двадцать.

Из села Уютного шла только одна дорога или проселок в соседнее село за двенадцать верст, принадлежавшее государственным крестьянам, причем она верстах в четырех от села пересекала широкую и торную дорогу, шедшую из большой вотчины в уездный город. С противоположной стороны, за церковью, дороги никакой не было, а лишь вилась узкая, заросшая травой, колея, по которой полями среди хлеба можно было кое-как добраться до деревушки Волынки версты за две, и где было всего дворов пять-шесть... Волынка была известна лишь тем, что принадлежала с незапамятных времен знаменитому дворянскому роду, и за сто лет не видала никого из своих господ-владельцев. При том около двадцати лет подряд мужики вовсе не платили оброка. Господа очевидно забыли, «потеряли» Волынку в своих бумагах. Староста, возивший

оброк кому-то в какой-то город, вдруг умер, новый не знал куда ехать и к кому, а запросов не было. И, благодаря Богу, за эти двадцать лет крестьяне справились, живя как у Христа за пазухой, выстроились заново, завели и скотинку на славу. Лет за десять до освобождения барин разыскался сам и стал вымогать недоимку свою за все время, что Волынка «пропадала без вести». Ко дню освобождения крестьян деревушка была снова убогая и разоренная и теперь только, много лет спустя, начинала опять справляться, благодаря «воле».

В этих пределах, где целая деревня могла «пропадать», было и Уютное и, будучи не далеко от дороги между самой богатой вотчиной округности и уездным городом, отстоящим, однако, верст за пятьдесят, оно оказывалось все-таки захолустьем, потому что было «на отшибе», а не на пути.

Усадьба и село получили название Уютного неведомо и Бог весть когда, еще при императрицах Российских, как говорили сами владельцы. Для такого названия когда-то была причина, теперь невидимая и не существующая... Со стороны глубокого оврага и за ним был когда-то на трех десятинах густой лесок из одних дубов... Каковы были эти дубы, и сколько было им лет, оказалось лишь тогда, когда приезжий купец предложил за них помещику огромные деньги. Помещик согласился на продажу, потому что на эту сумму мог купить себе большую землю по соседству, дающую доход. Все было срублено, сбито, а помещик прозвал вновь купленное именье «Дубки». Но положение усадьбы, прикрытое с двух сторон вековыми дубами, было уже не уютное положение, а простое среди полей и «на юру».

Теперь усадьба имела вид родовой и старинной вотчины только благодаря саду с вековыми аллеями и с десятком дубов, симметрично стоящих близ дома и говорящих ясно, что они посажены деревцами. Когда? Кем? Никто не знал. Знали только все, и господа, и крестьяне, что Уютное было и спокон века вотчиной господ дворян Бакатовых. Девяностолетний дед Савин с гордостью вспоминал и говорил, что, будучи «махоньким», был однажды «выпорот саморучно» старым барином Бакатовым, Семеном Андреевичем. А свекра барыни нынешней владелицы звали по батюшке «Иванычем». Кто же и когда был Семеном Андреевичем? Барыня говорила, что слыхала от покойного мужа, что этак «полагать стать» звался его дедушка.